

Ульяна Соболева

7

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Обрыв

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ульяна Павловна Соболева

Черные вороны 7. Обрыв

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42543862

SelfPub; 2019

Аннотация

Я больше ему не нужна. Мой муж исчез. Бросил меня, ребенка и просто уехал, оставив бумаги о разводе, все имущество и звенящую пустоту в душе вместе с адской болью. Но он напрасно считает, что я отступлюсь, что не стану искать, что не брошусь за ним в самое пекло и не пройду по самому краю обрыва, где он стоит совсем один, балансируя над пропастью... Я сорвусь в бездну вместе с ним. Адаптации и римейк серии "Любовь за гранью". Сюжет повторяется! В оформлении обложки использована фотография автора Oleg Gekman с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Макс	4
Глава 2. Макс	16
Глава 3. Дарина	32
Глава 4. Дарина	41
Глава 5. Дарина	48
Глава 6. Дарина	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Макс

Давай щас по факту, давай щас серьёзно.

Мы взрослые люди без памяти любим, теперь уже можно

"Что же я делал?" – ты меня спросишь:

Что же я делал без ее рук, без ее губ, без ее тела!

*Сказать, что я скучал – в общем, и сказать ведь нечего
(с) Егор Крид & Мот*

Я не дышал. Да, я превратился в недышащего и недвижающегося придурка, который боялся ее разбудить и взорвать к черту всю ту иллюзию, которая окутала нас обоих, и я трясся от паники, что все это исчезнет, едва она откроет глаза.

А пока что маленькая спала. На мне. В разодранной одежде, в юбке, закрученной на поясе, спущенных чулках, и я чувствовал подбородком ее влажные волосы и сам не понимал, как целую их пересохшими и искусанными ею губами. А я прислушивался к ее дыханию, к тихим звукам, которые она обычно издавала во сне. И я хотел орать от счастья.

Орать во всю глотку так, чтоб связки рвались и лопались стекла в доме. Меня самого разрывало на части от эмоций, и я трясся от триумфа, от эйфории. И каждый мой мускул, каждый нерв подрагивали, словно с них содрали кожу, и я весь обнажен до костей и беззащитен. Да, с ней я был беззащитен, как новорожденный ребенок. Она могла причинить мне боль даже взглядом. Единственная женщина, заставляющая меня корчиться от диких мучений и от самого невыносимого наслаждения.

Лежит на мне, раскинула руки, согнула ногу в колене и ее пальчики иногда подрагивают на моей груди. И я жадно вытягиваю ее запах, прислушиваюсь снова и снова к дыханию. Уже по привычке после долгих месяцев ее комы. И меня бесит солнце, которое пролазит из-под штор и шарит по ковру, на который мы упали совершенно обессиленные опустошающим сексом. И я психовал на эти лучи, она ведь проснется и встанет с меня, а это уже разлука, и я пока что не готов разорвать эти объятия, не готов остаться без тактильного ощущения ее близости.

Я водил осторожно по ее гладким, шелковым плечам и балдел от мурашек, которые рассыпались под моими прикосновениями.

Моя маленькая девочка, ты понятия не имеешь, как дико я люблю тебя. Как сумасшедше и обреченно закрыт только на тебе, повернут, безумен. Тебе бы стало жутко, если бы ты поняла, какой я психопат, и что не мыслю своей жизни без

тебя.

Очертил ее тонкие пальцы, сплел со своими и, любуясь хрупкостью кисти, выпирающими косточками на фалангах, погладил след от обручального кольца. Верно, малыш, зачем кольцо на пальце, если я окольцевал твое сердце и душу, и хрен дам снять эти кольца. Я млел от наслаждения и ощущал отголоски возбуждения, вспоминая, как она извивалась под мной, как дико цеплялась за мои волосы, как подавалась навстречу бедрами. И я не сдерживался. Дьявол свидетель, я хотел любить ее нежно. Я хотел отдать ей всю ласку вселенной, а вместо этого озверел и превратился в голодное чокнутое и взбесившееся животное. Трахал ее, как ненормальный маньяк, не жалея. Грубо, дико, иступленно и сатанел, получая от нее отдачу. И мне было мало. Потому что и она не была такой раньше... Скромная и нежная Даша исчезла после комы, я увидел тот ураган, о котором подозревал, но никогда не ощущал наяву. Ее темперамент вырвался наружу и окончательно сорвал мне крышу. Страстная, горячая, потерявшая стыд и сводящая с ума. И теперь я с ужасом ждал, что она мне скажет, когда проснется. Как посмотрит на меня. Я ведь все пойму по ее глазам. Прочту там разочарование и мгновенно сдохну. Вот эту новую Дашу я не знал совершенно, и это привлекало, манило к ней еще сильнее, чем раньше.

Вот с чего я должен был начать и не ждать. Не слушать Фаину, брата, а увезти эту маленькую ведьму и трахать до потери пульса, показывая ей – кому принадлежит и насколько

ко она моя.

Ревнивая девочка, не выдержала, ее сорвало, когда увидела меня с другой женщиной. Наивная... все они стали для меня бесполоыми. Им нечего мне дать. Мне неинтересны их тела, их отверстия, их запахи отвращают, а прикосновения вызывают позывы тошноты. У меня на них элементарно не стоит. Но оно того стоило. Особенно когда увидел пылающие гневом глаза и сжатые губы. Маленькая мегера готова была выцарапать мне глаза. Да, девочка, ты прекрасна в своей ревности. Это возбуждает до дрожи. Сколько ненависти, сколько диких эмоций. Видела бы ты себя со стороны, как вздымалась твоя грудь, как метали молнии глаза, как дрожал подбородок. И я от наслаждения готов был взвыть. Вот так! Никакого равнодушия. Только ревность, ярость. Хардкор, малыш, трешняк. Как я люблю. И еще сильнее, чем раньше. Ты чувствуешь эту волну адской ревности и похоти? Она чувствовалась, я видел это по бледному лицу и торчащим под блузкой соскам.

Мой сотовый завибрировал, и мне захотелось разбить его о стену к такой-то матери. Даша сонно пошевелилась, и я прижал ее к себе, поглаживая голую спину. Бл*дь, а если сейчас проснется и начнет лихорадочно одеваться и снова бежать от меня? Я ж ей шею сверну или башку себе о стену расквашу. И тут же чуть не застонал от удовольствия и не поверил сам себе – ее рука обвила мою шею, и пальчики погладили мою поросшую щетиной щеку. И я возненавидел

эти колючки – они причиняли боль ее пальцам.

– Уже утро? Я, наверное, так плохо выгляжу... не смотри на меня, пожалуйста.

Так нежно и на полном серьезе. Она серьезно? О, женщины! Я тихо рассмеялся и сильно поцеловал ее макушку. Моя маленькая дурочка.

– Ты прекрасно выглядишь. Я всю тебя рассмотрел. Ты даже не представляешь – насколько идеальна.

Улыбается, я, скорее, чувствую ее улыбку и просто знаю.

– Лжец... какой же ты лжец. Надо в душ, одеться, не знаю, мне кажется, я сейчас отвратительная.

– Нет, ты всего лишь пахнешь сексом, растрепана, на тебе остатки одежды, пару засосов, следы от моих пальцев, ты теплая и почти голая. И это прекрасно.

Провел ладонью по ее спине вниз, к пояснице, кончиками пальцев по ягодицам, зная, что ей щекотно, и улыбаясь мурашкам. Она всегда боялась щекотки.

– Я грязная.

Усмехнулся и приподнял ее чуть выше, всматриваясь в полупьющие глаза.

– Хочешь, я всю тебя вылижу прямо сейчас? М? Всю твою грязь? Где ты грязная? Вот здесь? – опустил голову и прихватил губами сосок. – Или здесь?

Положил руку на живот и скользнул вниз между ножек, она сжала колени и опустила взгляд, залилась краской. Все еще умеет стесняться.

– Может, лучше сначала в душ? Только я еще немного полежу на тебе... так не хочется вставать.

– Можешь лежать часами. Мне нравится быть твоей постелью.

Она встрепенулась и приподнялась.

– Тебе не тяжело?

Теперь я расхохотался, она проспала на мне почти пять часов, у меня уже затекали ноги, руки, спина, но это херня по сравнению с тем удовольствием, что я испытывал. Я устроился поудобнее и обнял ее обеими руками, запрокидывая голову и прикрывая глаза. Самому спать не хотелось. Я находился в какой-то эйфории, как под кайфом. Опять зазвонил сотовый, и я хотел его зашвырнуть, но Даша перехватила мою руку.

– Ответь. Вдруг что-то важное. А я пока в душ схожу.

Но я удержал ее, а сам посмотрел на дисплей – звонила няня Таи. Я тут же ответил.

– Что случилось?

Рывкнул от беспокойства.

– Нет, нет, не нервничайте. Добрый день. Она просто плачет весь день. Вот я пообещала, что вам позвоню. Скажите ей пару слов. Может, успокоится. Всю ночь беспокойная была.

Черт! Моя малышка, моя принцесса. Ты так долго без нашей ласки и любви. Пора и это исправлять. Пора все менять и возвращать обратно.

– Я сейчас приеду.

Подорвался, все еще удерживая Дарину за плечи. А потом услышал тихое сопение в трубку.

– Маленькая моя, папина принцесса? Кто плачет? Я разве разрешал плакать? Я сейчас приеду и привезу тебе подарок.

Всхлип, и у меня сердце сжимается, посмотрел на Дашу, она нахмурила брови. Знает, с кем я говорю. И я вдруг решился... не знаю, зачем сказал.

– Я привезу тебе самый лучший подарок. Ты очень его хотела. Только не плачь. Хорошо?

– Да, – тихое и очень тоненькое, такое, что сердце сильно сжимается.

– Кто папина самая красивая девочка? Кто папина куколка?

– Тай.

– Да, Тай папина куколка. Иди к Лиле. Папа скоро придет.

Выключил звонок и посмотрел на свою жену.

– Надо-таки в душ, малыш. Моя вторая любимая женщина требует меня к себе.

Долго смотрел ей в глаза и потом спросил:

– Готова познакомиться с нашей дочкой, Дарина?

Увидел, как ее глаза широко распахнулись, и она втянула воздух, в зрачках отразился страх.

– Боишься?

Она кивнула и закусил губу.

– Тогда оставайся дома, я сам поеду.

– Нет, – впилась в мою руку, – я с тобой хочу. Я хочу с ней познакомиться. Очень хочу. Просто страшно, что она меня уже забыла.

– Будете вспоминать вместе.

Опрокинул ее на спину и навис над ней.

– Потом приедем домой, и я долюблю тебя до потери сознания.

– А ты еще не долюбил?

Опускает ресницы и водит ладонью по моей груди.

– Это невозможно. Тебя всегда мало.

Я с наслаждением рассматривал ее лицо с разводами косметики под глазами и следами моих поцелуев на скуле, опухшими от них губами. Как же мне ее мало. Мог бы – засунул бы ее себе под кожу и всегда носил в себе.

– А мне кажется, что ты как вода... что я, оказывается, пересохла и потрескалась, как земля без дождя. И сейчас... я боюсь опять начать засыхать без тебя. Ты мне нужен, Максим.

Я захватил ее палец губами, поцеловал мягкую ладонь, прижимая к своей щеке и улавливая свой запах на ней, вспоминая, как эти ручки ласкали мой член. Он тут же отозвался на клич, едва я о нем подумал, и встал в стойку «смирно». Черт меня раздери, но я опять хотел ее. Притом хотел так, словно не имел всю ночь напролет.

– В душ, маленькая. Принцесса ждет подарок.

Я отнес ее туда на руках, закутав в плед и пряча от посто-

ронных глаз. Потом чуть не увлекся, намыливая тело, видя, как вода стекает по нему и оставляет следы и блестящие капли на малиновых кончиках груди. Не устоял, осыпал их поцелуями, поглаживая ее между ног, отыскивая чувствительное местечко и всматриваясь в ее глаза. Убрал руку и тихо прошептал.

– Оставлю тебя голодной до вечера.

– Это нечестно... – ответила и облизала губы.

– Честно. Потому что я голоднее в тысячу раз.

Поймав ее вздох губами, завернул в полотенце и отнес в комнату.

– Быстро завтракаем и выезжаем.

– Завтракаем.

Кивнула и смотрит на меня, как раньше. Как та, моя Даша.

И я от этого взгляда пьянею и дурею.

– Мою одежду принесешь?

– Принесу... хотя я предпочел бы, чтоб ты оставалась голой в моей постели и пахла нами.

Вернулся с легким завтраком для нее, сам решил, что поем вечером в офисе. Меня так скручивало от всего происходящего, что даже есть не хотелось. А когда ее увидел в своей футболке, поставил поднос на стол и подошел к ней, запустил руки во влажные волосы, еще такие короткие.

– Я бы заперся с тобой здесь на целую вечность.

– Нам не надо запирается. Эта вечность у нас есть и так.

Может, забрать ее потом с собой в офис? Впервые за все

годы нашего брака? Никогда не брал, даже в мыслях не было. Да и зачем? У нее свои дела, у меня свои. А сейчас расставаться не хотелось ни на мгновение. Хотелось вот это все чудо держать под полным своим контролем. Мог бы, посадил бы ее в сейф.

– Потом со мной в офис поедем. Не хочу тебя одну дома оставлять.

Удивленно на меня посмотрела.

– Я не буду тебе мешать?

– Нет, ты будешь меня отвлекать, и я чертовски хочу отвлекаться.

Положил ей в рот кусочек тоста и подал стакан с молоком. Потом смотрел, как она доедает свой завтрак, потом, как одевается и стыдливо оглядывается на меня. А мне хочется ее раздеть. Черт, такими темпами я похерю все новые сделки и договоры, и Граф меня вздрючит по самое не хочу. А я бы сейчас стащил с нее все эти тряпки и уложил обратно в постель. «Стойка смирно» не прекращалась, и я ощутил себя прыщавым подростком, подглядывающим за девчонкой.

Подошел и застегнул платье, принюхался к запаху шейки у кромки волос.

– Ты безумно вкусно пахнешь.

А она вдруг обернулась и посмотрела мне в глаза.

– Максим... только ответь честно. Эта женщина. Вчера... ты и она?

– Тссс, – приложил палец к ее губам, – другие женщины

давно вымерли. Ты не знала?

– Лжец.

– Нет. Зачем мне лгать? Для меня они вымерли, малыш. Все до единой. Кроме тебя.

Жадно поцеловал ее в губы и с неохотой разжал руки.

– Поехали?

Кивнула и вдруг попросила меня подождать. Убежала куда-то и вернулась через минуту.

Уже в машине, когда взял ее за руку, нащупал обручальное кольцо и стиснул ее пальчики. Маленькая строптивая ведьмочка признала себя моей. Я триумфально посмотрел ей в глаза, и она, прикусив губу (черт, мы вернемся, и замучаю этот рот, затерзаю его самыми грязными способами) опустила ресницы.

– Я думал, ты никогда его не наденешь.

– Я тоже так думала.

«– Зверь, брачная ночь обычно бывает после венчания, а не до! Мы заждались! – крикнул кто-то из них, а у меня щеки вспыхнули.

Она сильно сжала мою руку, и я видел, как на ее глазах выступили слезы.

От счастья я сам не мог выдавить ни звука. Даша то улыбалась, то с трудом сдерживала дрожь и я видел как она нервничает, как светится изнутри.

Перед тем, как я надел ей на палец кольцо, она задала мне один единственный вопрос:

– Мой? Правда мой?

– Весь... маленькая. Больше, чем свой.

– Я люблю тебя...– вырвалось у нее, и почему-то над головами зазвенел колокол, пугая голубей, которые с шелестом вспорхнули с окон.

– Этого мало... Дыши мной, – шепнул ей на ухо».

Глава 2. Макс

Ты только никого не подпускай к себе близко. А подпустишь – захочешь удержать. А удержать ничего нельзя...

(с) Эрих Мария Ремарк

Я остановил машину у дома Фаины, где сейчас находилась Тая с няней. Посмотрел еще раз на Дашу. Бледная, слегка напуганная и встревоженная, но полна решимости. Моя девочка, да, сложнее всего встречаться с собственной совестью, особенно, если она не чиста по отношению к кому-то... а если этот кто-то твой собственный маленький ребенок, то нет ничего ужасней, чем ощутить щемящее бессилие перед невинной и всепоглощающей любовью к себе.

Я взял ее за руку и посмотрел в голубые глаза, слегка подернутые дымкой.

– Все будет хорошо. Она, конечно, тот еще чертенок, но не настолько все ужасно.

– Я боюсь... боюсь, что...

У нее в глазах блеснули слезы.

– Что не простит тебе твоего отсутствия?

Даша кивнула, и я усмехнулся от того же самого щемящего чувства внутри.

– Простит. Я же простил.

Она вдруг потянулась ко мне, и сама прижалась губами к

моим губам, и я схватил ее дрогнувшей рукой за затылок, лаская ее рот своим, успокаивая ее поцелуем и наслаждаясь до умопомрачения тем, что уже не надеялся никогда от нее получить.

– Идем? – лаская нежную атласную щеку большим пальцем. Кивнула, и я вышел из машины.

Мы поднялись вместе наверх, и когда нам открыла дверь няня, Дарина сильнее сжала мои пальцы, а когда выбежала моя маленькая принцесса, ее рука в моей сильно задрожала. Тая тут же подкатилась ко мне и обхватила ручками мои ноги с воплем:

– Папааааа!

Я подхватил ее на руки, целуя в щеки и нежные губки, чувствуя, как она зарывается мордашкой мне в волосы. Потом обняла меня за шею и обернулась, опасливо поглядывая на Дашу, и снова ко мне.

– А мой подарок?

Я улыбнулся. Хитрюга помнит.

– А что ты больше всего у меня просила? Помнишь?

Снова взгляд на Дашу и на меня, нахмурила аккуратные бровки.

– Маму.

– Я выполнил обещание. Это твоя мама.

Дарина вся выпрямилась, как струна, кусая губы, а Тая пристально на нее смотрела и молчала. Вот так и происходит самый жестокий суд во Вселенной, когда судья и палач са-

мый справедливый из всех, что можно себе представить, решает – казнить или помиловать. Я видел, как тяжело дышит моя жена, как судорожно поднимается и опускается ее грудь. Она ждет. Напряжена. На грани. И я ощущаю кожей ее дикое волнение и волнуясь сам, а потом Тая тянет к ней руки, и я слышу ее всхлип, и голубые глаза наполняются слезами, а лицо искажает болезненная гримаса. Она берет Таю на руки, и я вижу, как они дрожат. Малышка рассматривает ее лицо уже вблизи, а потом обнимает ее за шею. Так доверчиво, так сильно. И я вижу ошалевшие глаза Даши, полные слез. Она смотрит на меня с такой болью... счастливой болью, и я ее понимаю. Я сам вот так же ровно сутки назад разрывался от болезненного счастья. Мы забрали ее гулять в парке, и я дал им время друг с другом, находясь слегка поодаль и готовый в любой момент поддержать Дашу, но Тая была ею очарована и покорена мгновенно. Не знаю, как, кто и где может не узнать свою кровь. Это ведь на уровне инстинктов, я видел по моим девочкам, как их потянуло, как обе переполнены нежностью.

Потом Даша какими-то привычными движениями удерживала ее на руках, а уже дома уложила спать. Я смотрел со стороны и улыбался уголком рта, вспоминая тот день, когда она только родилась:

«– Смотри, у нее ресницы, как у тебя. Такие длиннющие-е-е... – голос Даши ласкает изнутри и разливается теплом по всему телу, – она так похожа на тебя, Макс. Это ужас-

но несправедливо.

– Нет – это как раз-таки очень справедливо. Дети должны быть похожи на меня, потому что я красивый. И умный.

– Фу, ты самовлюбленный, напыщенный...

– Только скажи– и я тебя накажу.

– Засранец!

– Ну все, мелкая, пошли мыть рот с мылом».

Когда она вышла из комнаты Таи, то сразу бросилась мне в объятия и сдавила меня руками так сильно, что я буквально кожей ощутил ее эйфорию и счастье.

– Спасибо, – шептала она, целуя мою шею, – мне это было нужно. Очень нужно.

– Ничего, маленькая. Постепенно привыкните друг к другу, и заберем ее домой.

– Да. Надо забрать нашу дочь домой.

«Нашу дочь»... бл*дь, нет ничего охренительней этих слов, сказанных ею. Я, кажется, ждал их целую вечность.

***

В офис я таки притащил ее вместе с собой. Не смог отправить домой. Не хватило сил расстаться. Я был слишком счастлив, а это случалось со мной настолько редко, что я просто был не в силах выпустить это счастье из рук. Хотя на немного отдалиться от него.

И я ни на секунду не пожалел, что сделал это. Впервые за все годы нашего брака. И теперь, пока в офисе царил полный хаос, шлепали двери, сновали туда-сюда люди, назойливо ло-

мится моя секретарша, на которую Даша пристально посмотрела, едва мы только зашли в офис. Ревнивая девчонка, и это заводит до сумасшествия и вызывает довольную улыбку на губах. И пока мне названивают из двух заграничных офисов, мои представители заключают важнейшую сделку с китайскими партнерами, я, как полный debil, пялюсь на собственную жену, смотрю, как она пьет кофе, как сидит в кресле, закинув ногу на ногу, просматривает журналы. Как бы мне хотелось сейчас на хрен всех выгнать и взять ее прямо на рабочем столе. И я, черт возьми, только об этом и думаю. Отвечаю всем на автомате, потом набрал цветочный магазин, заказал ей огромную корзину ромашек. Цветы привезли через полчаса, и я готов был сдохнуть в ту секунду, когда ее глаза засветились восхищением и почти детским восторгом. Она зарылась лицом в цветы, улыбается, и я ни хрена не слышу в сотовом, ни черта не понимаю. Я напрочь отсутствую. Я с ней. Не на работе совершенно. Раз пять я перечитывал договор, раз пять пытался понять, что должен ответить, и мозг просто отказывался функционировать. У меня функционировал совершенно другой орган. И я жадно смотрю, как она крутит ромашку пальцами, как водит ею по шее, а там следы от моих поцелуев под тонким шарфиком, и у меня губы сводит от желания пройтись по всем этим местам еще раз. Языком. Алчно кусая нежную кожу. Бл*дь, я хочу ее, как бешеный психопат. В кабинет зашел Славик, прикрыл дверь, и теперь я видел Дашу через стекло.

– Зверь, есть разборки на двух точках. Поймали козлов с наркотой.

Посмотрел на Изгоя и ни хрена не понял.

– Что?

– В двух наших клубах раздавали наркоту бесплатно. Кто-то хочет подгадить нам репутацию. В «Гранд» нагрянули менты и сразу повязали ребят. Те еще и попробовать не успели. Ты сечешь, что это значит?

Конечно, секу, черт возьми. А сам на НЕЕ смотрю, как покусывает нижнюю губу, и меня от этих покусываний простреливает чистейшей похотью.

– Какая-то тварь пытается нас подставить. Что-то уже знаете?

– Нет. Смотрели на камерах, кто наркоту раздал, но никого не заметили. Это сделали те, кто прекрасно ориентировались в здании. Они обошли камеры.

– Что с адвокатами?

– Уже на месте.

Я особо не волновался. Мы отмажемся. И это даже не наезд. Это мелкая пакость. Но кто-то настолько борзый, что позволяет себе ее делать на моей территории и безнаказанно. Прошупывает почву.

– Переверните мне все вверх дном и найдите распространителя.

– Ищем, Макс, – Славик усмехнулся, – я смотрю, ты на работу уже не один ходишь?

Я посмотрел в стекло и... оторопел – Даши там не было. Мгновенно окатило холодом. Я даже не знаю почему... точнее, знаю. Я еще не научился доверять ей, не научился воспринимать свое счастье, как само собой разумеющееся. Страх потерять был острее чего бы то ни было.

– Я сейчас.

Хлопнул крышкой ноута и вскочил из-за стола, прошел мимо Изгоя, выскочил в коридор, осмотрелся по сторонам – нет ее. Черт! Она ведь не знает офис и куда могла пойти? Понимаю, что абсурдно все это, что бред полный так дергаться. Девочки иногда ходят в дамскую комнату. А меня не отпускает.

– Где она? Рывкнул охраннику. И тот от неожиданности подпрыгнул на месте. Играл, урод, в своем сотовом. Я отобрал смартфон и разбил о стену.

– Где моя жена?

– Я... она, кажется, в туалет пошла.

Кивнул в сторону дальних дверей и принялся собирать свой разбитый телефон, а я наступил на крышку и быстрым шагом пошел к туалетам. Но ее там не оказалось. Осмотрелся по сторонам и набрал охрану на выходе.

– Моя жена выходила из здания?

– Нет, Максим Савельевич, мы здесь все время стоим. Она не выходила.

– Если выйдет – не выпускать!

Я кружил по коридору и лихорадочно думал о том, куда

она могла пойти? Уже вечер, офис почти пустой. Если на улицу не выходила, то где она? А потом вдруг просто пошел к лестничному пролету, распахнул дверь настежь и быстрым шагом поднялся по лестнице, ведущей на крышу.

– Дашаааа! – позвал громко, слыша эхо собственного голоса и прислушиваясь к тишине. Я распахнул ударом дверь и застыл, глядя на тонкий силуэт на фоне ночного неба, усыпанного звездами. Ветер треплет ее платье и короткие волосы, и они поблескивают в бликах ночных огней.

– Малыш, – выдохнул, испытывая какое-то невероятное облегчение. Не ушла. Не сбежала от меня. Ведь я именно этого боялся, что уйдет. Боялся до какого-то противного липкого пота.

Она обернулась и улыбнулась мне, слегка удивленная моему дикому взгляду и сквозящему во всем моем виде паническому страху. Я идиот. Просто повернутый на ней болван, который настолько боится потерять, что сходит с ума на пустом месте. Паникер хренов. Самому стыдно, и теперь облегчение нахлынуло волной. Стою и радуюсь, даже тело подрагивает от радости. И в тоже время какое-то неясное волнение внутри. Какие-то отголоски паники и недоверия. словно что-то все равно не так.

– Я испугался, маленькая. Ты бы сказала, куда пошла.

Подошел к ней сзади и неистово обнял, зарылся лицом в ее волосы на затылке, стискивая хрупкое тело обеими руками, преодолевая адское желание сдвинуть так, чтоб услышать,

как хрустят ее кости, потому что мои хрустели даже без сдавливания. Их просто ломало в ее отсутствие.

– Я вышла посмотреть на звезды... Мне кажется, я любила на них смотреть.

– Любила, малыш. Очень любила.

«– Ты понимаешь, что теперь я не отпущу тебя никогда, маленькая.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

– А если разлюбишь?

– Видишь там, на небе, звезды?

– Вижу... а ты, оказывается, романтик, Зверь.

– Когда все они погаснут ...

– Ты меня разлюбишь?

– Нет. Когда все они погаснут – это значит, что небо затянута тучами. Ты не будешь их видеть день, два, неделю... Но это не говорит о том, что их там нет, верно? Они вечные, малыш. Понимаешь, о чем я?

– Нет... но сказал красиво.

– Все ты поняла. Довольная, да?

– Да-а-а-а-а.»

Прижал ее к себе сильнее.

– Я показывал тебе самые разные звезды, моя девочка.

Развернул ее так, чтобы видеть ее глаза, тонуть в них, рас-

творяться там, рассыпаться на молекулы. И меня как всегда трясет от ее взгляда, и в темноте ее глаза блестят, а ресницы чуть подрагивают.

– Ты мне не доверяешь... – не спросила, просто сказала вслух.

– А ты? Ты мне доверяешь, малыш?

Отвела взгляд и посмотрела куда-то в сторону.

– Как я могу доверять тебе, Максим? Ты держишь меня взаперти, за мной всегда следует охрана, и я не могу шага ступить без твоего ведома. Я ведь на самом деле не свободна в своих решениях, в своих передвижениях. Это лишь иллюзия...

А я вдыхаю запах ее кожи и волос и ощущаю, как опять накатывает нечто зверское первобытное. После испуга еще более острое и требовательное. И вдруг как токомшибануло – у нее в руках сотовый. Сжимает его пальцами, а меня аж подбросило. Она ушла сюда, чтобы с кем-то поговорить.

– Дай мне сотовый.

– Что? – посмотрела на меня и лицо окаменело, взгляд стал твердым и холодным. Протянула мне сотовый. Я быстро включил его и пробежался по входящим и смскам.

– Отвези меня домой, Максим.

И в голосе лед. Настолько ощутимый, что я вздрогнул, а она обошла меня и направилась к двери. Бл*дь! Я все испортил, идиот хренов! Ревнивец больной на голову! Схватил ее за руку и резко привлек к себе.

Но Даша выдержнула ладонь. Требовательно взял за плечи, не отпуская, хотел поцеловать, но она сжала губы.

– Прости... я с тобой становлюсь невменяемым... прости, маленькая.

Ведет, как же невыносимо меня ведет рядом с ней, к дьяволу все подозрения, все к черту. Я повел ладонями по ее спине и сжал ягодицы, впечатывая ее в себя. Меня разодрало от едкого желания, оно проснулось и подожгло меня дьявольской лихорадкой на грани с помешательством. Войти в нее, сейчас. Здесь, на этой крыше заняться с ней любовью. Нет... любовью потом. Я хочу ее трахнуть. Хочу пометить. Она МОЯ!

– Отпусти... я не хочу так, Максим. Отпусти, пожалуйста.

Уперлась руками мне в грудь, пытаюсь оттолкнуть.

– Так не может продолжаться. Я больше не хочу быть твоей добычей или трофеем, твоей игрушкой. Захотел – поиграл, захотел – оттолкнул или оскорбил недоверием. То ласкаешь то... Все. Отпусти меня. Я хочу домой.

Нет, я уже не могу ее отпустить, не могу даже на миллиметр отодвинуться от нее. Я в точке невозврата, и мои губы ищут ее рот, осыпая поцелуями подбородок, я задыхаюсь, мне нужно втянуть в себя ее стон, когда я войду в ее тело.

– Я хочу тебя, Дашааа... слышишь? А я хочу тебя.

Прохрипел куда-то в ее шею, скользя ладонями по попке, прикрытой платьем, и ощущая резинку ее трусиков. Сдавил бедра и быстро развернул к себе спиной, наклоня над про-

пастью высотой в двадцать этажей. Но она облакачивается спиной о мою грудь, впиваясь пальцами мне в запястья.

– А я так не хочу, Максим... я не хочу. Разве мое желание ничего не значит?

Еще как значит, девочка. Твое желание значит в тысячу раз больше, чем мое собственное. Если бы я не ощущал, как тебя трясет от возбуждения, я бы перерезал себе глотку. Я обхватил ее груди ладонями, сжал соски, покручивая через материю платья, кусая ее затылок. Вздогнула и слегка обмякла в моих руках. Да, малышка, да. Я же знаю, чего ты хочешь. Опустил корсаж вниз, обнажая соски и натирая их пальцами.

– Чего ты хочешь, малыш... скажи мне, чего хочет моя девочка.

Меня лихорадит от того, какими твердыми стали кончики ее груди, как колют мне ладони. Нагнул ее вперед, притягивая к себе за поясицу, просовывая колено между ее ног. Горячая до умопомрачения.

– Доверяй мне, Максим, – я задрал подол платья вверх и провел по влажным трусикам, нажимая все сильнее, – пожалуйста...оооо....пожалуйста.

– Что – пожалуйста, маленькая? – хрипло ей на ухо и рывком одним пальцем на всю длину так, чтоб стенки ее плоти сдавили мой палец, и я со свистом выдохнул кипящий воздух. Заскрежетал зубами.

– Доверяй... о Божееее.... хоть немного, – выгнулась на-

зад, впилась в поручень, выгибается навстречу моим пальцам. И я опять развернул ее к себе, прижал к одной из колонн, опускаясь на колени, закидывая ее ногу к себе на плечо и чувствуя, что едва коснусь ее складок языком, на хрен кончу сам. Отодвинул полоску белоснежных трусиков в сторону и зарычал, ощущая ее запах, провел языком по нижним губам, заставляя ее выгнуться и выпиться руками мне в волосы.

– Немного? – совсем о другом, раздвигая пальцами складки, дразня их кончиком языка и содрогаюсь всем телом от ее вкуса. – Или сильнее?

– О даааа, – застонала, упираясь одной ногой мне в плечо, раскрываясь, подставляясь ласкам, а я погрузил язык в сочную мякоть, ударяя им, отыскивая клитор, чтобы обхватить губами, нежно потягивая и облизывая быстрыми движениями вверх и вниз. Как она любила... особенно сбоку, где чувствительней всего. Дааа, малыш, я знаю все секреты твоего тела. Громко стонет, извивается, невольно трется о мой язык, держит сильно за волосы, и я трясусь весь от бешеного желания взять ее сейчас, войти членом в подрагивающую дырочку и... но я вначале хочу судорог. Хочу много сладких судорог ее оргазма. Хочу ощутить, как будет дергаться ее сладкий бугорок, заласканный моим языком и губами.

И вот они, эти хаотичные движения, эта дрожь по всему ее телу и ускоряющиеся стоны, более короткие и прерывистые. С ума сводящая власть над ней. Полнейшая в этот самый момент, когда ее наслаждение зависит только от меня.

Закричала, и я содрогнулся всем телом от этого крика и от того, как забилась в моих руках, как сладко ощущать спазмы губами, вылизывая всю промежность, пожирая ее соки, продлевая наслаждение короткими ударами языка по твердому узелку.

Поднялся с колен и снова ее к парапету, наклоняя вперед, одной рукой расстегивая ширинку, а другой удерживая под ребрами, жадно впиваясь в ее рот, отдавая ей ее вкус и пожирая ее стоны. Озверел от дикого желания, от невыносимой животной страсти.

– Нет... Максим, нет.

Удерживает, пытается увернуться, вертит ягодицами, а меня уже трясет от дикого желания войти. Скулы сводит. Я рычу, скалюсь, стараясь услышать это проклятое нет и не водраться прямо сейчас.

– Доверяй мне, прошууу, Максим... доверяй. Хочу свободы... немного, пожалуйста.

А я уже все. Я сам не свой от близости ее мокрой дырочки к моему вздыбленному каменному члену, которым я трусь о ее ягодицы и сейчас спущу прямо на них.

– Нет. Никакой свободы, малыш, – не выдержал и погрузил в нее пальцы, самые кончики, растягивая для себя, поддразнивая у самого входа. Мокрая. Бл*дь, какая же она мокрая. Там ведь все еще подрагивает, и я хочу туда на всю длину. О дьявол, я сейчас с ума сойду. Пытается удержать меня от вторжения, закинула руку, цепляется за мою шею.

– Пожалуйста, Максим... это ведь так ничтожно мало. Просто доверие.

И прогнулась, а мой член уперся прямо туда, где пальцы растирают вход в этот адский рай ее тела. Она схватила его ладонью, удерживая, и я засипел ей в затылок, вцепился зубами в плечо. Я сейчас кончу ей в руку, маленькая ведьма сорвала мне все тормоза.

– Твою мать... хорошо... иногда... может быть... Малыш, я сейчас это сделаю насильно. О дааа, бл*****дь, да! Да-шааааа!

Одним толчком до самого паха, глубоко настолько, что она подалась вперед, но я удержал и толкнулся еще раз, закатывая глаза и заходясь хриплым стоном. И меня сорвало, я долбился в нее на дикой скорости, удерживая за шею, а второй рукой под грудью, склонив над самой бездной и чувствуя, что не продержусь и несколько минут. Меня раздрает от похоти и адского желания. Впервые не дождусь ее оргазма... не могу. Хочу взорваться в ней. Потянул к себе и накрыл ее рот губами, разворачивая лицо, удерживая за скулы пятерней и ощущая, как накрывает, как оргазм стягивает кожу, чтобы потом ударом огненной плети сорвать меня в ослепительный взрыв такой силы, что я заорал ей в рот, изливаясь в ее тело, закрыв глаза и кусая ее губы, чувствуя, как она целует меня, как восторженно целует мой широко раскрытый в вопле оргазма рот.

Немного отошел, открыл глаза и посмотрел пьяным взгля-

дом в ее глаза.

– Бесчестный прием, маленькая. Наглый и очень подлый.

– У меня хороший учитель.

Улыбается, и я нежно целую ее губы, все еще подрагивая в ней. Эта девчонка вьет из меня веревки.

– Я еще не всему тебя научил...

– Научишь?

– Обязательно.

Глава 3. Дарина

Каким неуклюжим становится человек, когда он любит по-настоящему! Как быстро слетает с него самоуверенность! И каким одиноким он себе кажется; весь его хваленый опыт вдруг рассеивается, как дым, и он чувствует себя таким неуверенным.

(с) Ремарк

И все изменилось. Все стало не таким, как раньше. Я словно родилась заново и открыла глаза. Я никогда не ведала, что такое счастье, и представление не имела, что значит в полной мере чувствовать себя ослепленной этим самым счастьем. Максим позволил мне расправить крылья и взметнуться ввысь в небесную синеву его глаз и нашего общего безумия. И я потерялась. Я растворилась в этом небе и перестала думать о том, что падать будет не просто больно, а смертельно.

Я растворялась в нем, впадая в зависимость от синих глаз, от дерзких прикосновений, наглых слов-касаний, безумно властных поцелуев. И я, о даааа, поверила, что так и было всегда. Не могло не быть. Я не могла его не любить. Чувства к нему подобны урагану, цунами, неуправляемому стихийному бедствию, как и он сам. И я переставала быть собой и

отдельной от него личностью. Я становилась неотъемлемой частью него. Максим поработал и подавлял своей властью, он рушил стены между нами, стирал все грани дозволенного. И я физически и морально чувствовала, как много он отбирает у меня. Эгоистично, жадно, безжалостно, и... и отдает в десятки раз больше, настолько много, что меня шатало от свалившегося на меня сумасшествия. Разве я имела до этого хотя бы малейшее представление о любви? Никакого. Я даже понятия не имела, какая она на самом деле. Зато теперь этот ненормальный псих, мой муж, показал мне в полной мере, что это значит – быть по-настоящему любимой. Он был самым Богом или Дьяволом. Ему подвластно буквально все, и я с ним превращалась в ненасытное и дикое животное, жадное до секса. У меня все ломило и болело, когда в то утро он прижал меня к себе, растерзав мою плоть.

И я никогда не думала, что мужчина может быть столь трогательно нежен с женщиной и при этом давать ей ощутить эту нежность, невыносимо болезненную и утонченную, как тонкие края папиросной бумаги, которые режут пальцы и оставляют невидимые, но очень ощутимые порезы. Так и он оставил их на моем теле и в моей душе. Ни с кем другим и никогда так не будет. Никто не сможет любить меня, как этот Зверь.

Я уснула на нем, убаюканная биением его сердца и прикосновениями к своей спине, волосам. Он что-то шептал,

очень тихо, а меня обволакивало сном. Я засыпала под этот шепот. Даже не разбирая слов, я понимала, что меня продолжают ласкать.

Когда я проснулась, Макс даже не изменил позу, я по-прежнему лежала в его объятиях. И мне не хотелось просыпаться. Сладкий плен, невыносимый и такой желанный. Я надеялась, что сейчас он такой, каким был со мной раньше, и если это правда, то, черт возьми, разве могла быть на этом свете женщина счастливее меня? Или же он не просто лжец, а редкая сволочь, умеющая перевоплощаться, химера. Но я не верила, что это так. Не мог человек настолько притворяться, не мог давать настолько много, при этом играя в какую-то игру. В каждом его жесте, взгляде жила любовь и нежность ко мне. Они были осязаемы физически. И похоть. Адская страсть и дичайшая похоть. Он показывал мне все оттенки этой похоти, этой страсти. От самой грязной и безобразной, до нежной и чистой. И я млела от его улыбки. Какой же разной она могла быть. Могла больно ранить, а могла заставить сердце трепыхаться от счастья.

Когда он улыбался, я задыхалась от переполнявших меня эмоций. И еще... я перестала его бояться. Я теперь не верила сама себе, что когда-то могла его бояться. Разве эти руки могли причинить мне боль. Они прикасались ко мне, как к крыльям бабочки днем, и мяли, рвали и заставляли извиваться все мое тело от грубого наслаждения ночью. И я понимала, что ничего другого мне не надо. Что я жажду именно

этого. Что мне нужна его грубость, его власть и неистовость.

Ведь он знал мои тайные желания, мои фантазии и воплощал их наяву. Нежность проявлялась в его отношении ко мне... Прележать шесть часов, пока я спала, принести мне завтрак, забрать с собой. Я не верила, что действительно имею над ним такую власть, как говорил мне Дима.

Тут же вспомнился звонок ему. Это был первый раз, когда мне удалось избавиться от постоянной слежки и надзора. И я рискнула... я позвонила. Но позвонила, чтобы сказать, что больше не участвую ни в каких играх. Пусть не рассчитывают на меня. Я не стану им помогать и доносить на своего мужа.

Но мы не успели поговорить. Я услышала голос Макса. Как же быстро он меня хватился и еще быстрее нашел. Я с трудом сдержалась, чтобы не вздрогнуть. На секунду снова почувствовала вспышку паники, но, когда он обнял меня, так порывисто, так взволновано, сердце стало биться настолько быстро, что я забыла о страхе. Дима попросил об одной единственной встрече. Сказал, что это очень важно и что больше он не побеспокоит меня. Едва я успела стереть исходящий, как Макс вышел на крышу. И мне стало не по себе... не по себе, что я ему лгу, что у меня есть от него секреты.

Боже, это все происходило со мной? Неужели это я стояла и кричала от дерзких ласк моего мужа. Неужели это со мной он рычал от страсти, врываясь в мое тело, переклонив меня через перила, и высота, и опасность лишь обостряли

мои чувства.

И я хожу на носочках по краю обрыва, смотрю вниз на торчащие из земли колья с заостренными концами и понимаю – один неверный шаг, и все мое тело проткнет насквозь этими штырями.

И мне уже не казалось, что Максим – это и есть тот монстр, о котором мне говорили, что он избил меня и изнасиловал, что наша дочь зачата именно в ту жуткую ночь и что я... что я его простила за все его издевательства и измены. Нет, я могла простить. Но мне не верилось, что все это было.

Возможно, я горько ошибалась... Но разве в тот момент, когда его пальцы утонченно ласкали мое тело, а губы шептали мне самые грязные непристойности, я могла думать иначе? Разве хоть кто-то будет так любить меня, как он? Я уже не сомневалась в его любви. Но не задумывалась, что такая любовь может принести мне. Не задумывалась, что если он столь безумно любит, то насколько он может ненавидеть? Но какая женщина устоит перед этим сумасшедшим маньяком? Он ведь искушает, как дьявол, и берет, то как дикое животное, то как опытный и искусный соблазнитель. Один только взгляд, и у меня уже подгибаются колени и сочится влага между ног. Я знаю... что каждая, кто побывала в его постели, уже не сможет его забыть. И я ревновала. Одержимо и иступлённо ревновала ко всем женщинам в его прошлом, ко всем, на кого он смотрел и трогал, ласкал, брал и говорил хотя бы десятую долю того, что говорил мне.

Я хотела, чтоб он был моим. Принадлежал только мне. Так же хотела, как и он жаждал моей полной принадлежности ему. И я знала, что не стану его предавать. Не стану помогать Диме и их организации. Это они меня использовали... мое состояние, чтобы достать Макса. И я ни за что не поверю, что мой брат или Максим пытаются кого-то и держат в плену или угрожают чьим-то детям. Это наглая и грязная ложь.

Я знала, что счастье можно чувствовать, но я не могла предположить, что его еще можно ощущать, видеть, трогать и пропускать через себя. Я перестала принадлежать сама себе. Скорее, я стала невесомой частичкой того, чем является счастье. И я ощущала себя совершенно сумасшедшей идиоткой. Голос разума, доводы рассудка. Да что это такое в сравнении с любовью?

Я превратилась в оголенный комок нервов, обнаженных лишь затем, чтобы подрагивать от страсти.

Никакого стыда и никаких запретов. Можно все, а что нельзя, то не просто можно, а еще и нужно. Я впадала в рабскую зависимость от его голоса, взгляда и еще больше от его прикосновений. О как же он умел касаться, вкладывая в самое невинное поглаживание пальцами такой дикий смысл, что у меня от возбуждения проступали капельки пота на лбу. Я забыла о страхе, я не вспоминала о том, кто он, каким был до меня и почему я так раньше его боялась. Разве это имело значение? Никакого. Прошлого нет. Есть настоящее, в кото-

ром я до неприличия счастлива, в котором я засыпаю на его плечо и просыпаюсь от его поцелуев. Я влюбилась.

Да, я просто влюбилась в собственного мужа, и меня от этой любви трясло, как в лихорадке. И кто узрел в нем жестокость? Это ведь шутка? Где он жестокий? Он же обожает нашу дочь и возится с ней часами, он позволяет ей раскрашивать себя фломастерами и делать маленькие хвостики на своей густой шевелюре, а я разрываюсь от дикого хохота, когда вижу все это безобразие, а потом Тая идет ко мне... с тем же арсеналом и домой мы оба едем, как после индейского карнавала или посещения салона тату с ненормальным и большим на всю голову мастером.

Мои дни были более чем насыщены. Мы проводили много времени с нашей дочерью, потом ехали в его офис, вылетали за границу на какие-то конференции и встречи, потом опять к дочке и домой.

И я наслаждалась тем, что мы столько времени проводим вместе... иногда до абсурда ревновала его к коллегам, к ноутбуку, к его секретаршам или каким-то официанткам. Мне казалось, они все истекают слюной, глядя на него... даже хуже — я была уверена, что мне не кажется. За таких красивых мужчин нельзя выходить замуж, иначе можно свихнуться от ревности.

Мне вдруг казалось, что у него с ними что-то было. Ведь могло, пока я была без сознания в коме? Могло. Кто мог устоять... если Зверь посмотрит своим умопомрачительным

коронным взглядом и хрипло прошепчет у самой мочки уха:

«Я хочу залезть под твои трусики пальцами и проверить, насколько ты станешь мокрой, когда они войдут в тебя».

Я знаю, что никто не устоял бы. Знаю, и все.

Но я – наивная дуручка... я думала, что все просто, что Дима оставит меня в покое. Ведь я сказала, что не могу с ним встретиться, не могу и не хочу участвовать в их операции. Я заинтересованное лицо. Я жена! Но я недооценила этих людей, недооценила их интерес в моем участии и на что они готовы пойти ради этого.

Я помню тот день, когда получила еще одно сообщение от Димы. И я уверена, что оно не от него, а от его начальника. Там было написано, что если я не встречу с ними, то мою семью ожидает самая настоящая казнь.

Никакого суда и следствия, нас просто уничтожат. И срок мне дали неделю.

У меня пляшут перед глазами буквы этой смски. Именно они разделят нашу жизнь на «до» и «после»... именно они лишат меня счастья.

«Если через неделю вы не найдете возможности встретиться, то я вам гарантирую – вашу семью уничтожат. И способ будет самым банальным, какой только можно придумать. Никакого суда и следствия, у нас совсем другие возможности и полномочия. Хватит играть. Мы ждем вас по указанному адресу. Будете готовы – отправите смс на этот номер. Отсчет по дням пошел. И если надумаете рассказать вашему

мужу или семье, мы начнем зачистку с вашей милой дочери. Она ведь выходит с няней на прогулку в четыре часа дня?».

Глава 4. Дарина

Любовь чудесна. Но кому-то из двух всегда становится скучно. А другой остается ни с чем. Застынет и чего-то ждет... Ждет, как безумный...

(с) Ремарк

Максим не нарушил свое слово о свободе. Я ее получила в той мере, в какой вообще могла на нее рассчитывать. И именно с этого момента пошел обратный отсчёт до полета в самое пекло, откуда никто из нас уже прежним не вернется.

Первая моя встреча с Дмитрием состоялась, когда я заехала на заправку и забежала там в женскую комнату, единственное место, куда охрана не сунется следом за мной. Дима ждал меня там, в кабинке. Мне хотелось наброситься на него, выдрать ногтями его глаза... Трусливый ублюдок говорил, что у него нет выбора и на него давит начальство, что они страшные люди и пойдут по трупам, лишь бы выслужиться перед правительством, а он всего лишь подневольный раб и сам дорожит своим местом и своей жизнью. Но я не верила ни единому слову. Он лгал. Я знала это, чувствовала, видела по глазам.

– Даша, мне ничего особенного не надо. Ничего такого, что заставит тебя сильно рисковать. Куда едут, с кем пере-

званивались. Наш человек у них, и нам бы знать, что именно он говорит под пытками, сдал ли важную информацию.

– И как я это узнаю? Как?

Меня срывало на истерику. Я не знала, как мне поступить, мне было страшно. Я действительно боялась этих людей. Если им даже сейчас удастся обходить прослушку и охрану Максима, то они способны на самые ужасные вещи.

– Находишься рядом, прислушивайся, посмотри у него в компьютере. Он доверял тебе всегда и будет говорить при тебе.

– Я не могу... это ужасно. Ты не понимаешь? Он мой муж! В чем бы вы его не подозревали! Я не... не стану этого делать! Не заставляй меня!

Дмитрий сделал шаг ко мне и сжал мое плечо.

– Сделаешь, Даша. Иначе его просто уберут. И его, и дочь твою, и тебя. Расстреляют вашу машину, например, или выкрадут ребенка, пока вас нет дома. Пока что никто даже не задумывался об этом... никто не хотел причинять вред маленькой девочке. Но ты думаешь, ваши стены надежны? Думаешь, среди охраны Воронова нет моих людей? Полиция будет с нами заодно. Ты уверена, что шайка твоих родственников справится с системой? Мы вас везде достанем.

На секунду у меня перехватило дыхание от понимания, что они еще не следят за нашим ребенком, они не знают, что Тая живет не с нами. Или... или это было не столь важно. А может, наоборот – знают, что мы хотим забрать ее домой.

Господи! Почему это происходит со мной и именно сейчас?

– Ублюдок... какой же ты ублюдок! Как ты можешь так... как?

– Это моя работа. Ничего личного... Даша... – наклонился ко мне и провел пальцами по моим волосам, – когда-то ты ужасно нравилась мне. Ужаснооо нравилась.

– Да пошел ты! А ты мне нет! Ты уже тогда был козлом!

Пальцы Димы сдавили мое плечо так, что я дернулась от боли.

– Если ты скажешь ему хоть слово и не станешь мне помогать, твою дочь покромсают на органы. У нее редкая отрицательная группа крови. Здоровая девочка. Сейчас так мало здоровых детей.

– Твааарь! – зашипела я. – Ты не посмеешь!

– Если сделаешь то, что я прошу, никто не причинит вреда твоей семье. Мне не нужно что-то сверхъестественное, всего лишь информация, которую тебе под силу для меня добыть. Как только мы узнаем все о нашем человеке и получим информацию о перевозке оружия, ты будешь свободна. Я тебе обещаю. Вот флэшка, все запишешь сюда. Она самоуничтожается, если не ввести правильно пароль. Я пришлю его тебе смс чуть позже, когда буду уверен, что ты на нашей стороне.

– Я никогда не буду на вашей стороне! Когда я смогу рассказать Максиму – я это сделаю, и он найдет тебя и оторвет тебе яйца!

– Умница, Даша. Я знал, что ты согласишься. Я очень ред-

ко ошибаюсь в людях, — а потом наклонился ко мне еще ниже, — а еще лучше я знаю, за каким монстром ты замужем, и поверь мне, тебе лучше никогда и ничего ему не рассказывать, а то он снова превратит тебя в оттраханную во все дыры отбивную.

— Уроод! — ударила его по щеке и вышла из уборной, дрожа от ярости и стараясь успокоиться. Проклятый ублюдок. Он знал, куда надавить... знал, что у меня не будет выбора. И ту аварию... они ее подстроили. Все было спланировано.

С этого момента я начала им помогать. А точнее, я считала, что помогаю своей семье. Я верила, что, когда я дам Диме нужную ему информацию, он оставит мою семью и меня в покое. Мне не хотелось знать, чем именно занимается Максим... я не хотела в это лезть, как и не лезла раньше. Это не мое дело. Я его жена и его женщина, а не партнер по бизнесу. Я не верила и не желала верить, что МОЙ Максим, да, он МОЙ! Мой Максим способен на все то, что мне так красочно расписывал начальник Димы. Этот ужасный человек, который угрожает отнять все самое святое. Я не желала верить, что мужчина, который так нежно и изысканно ласкает мое тело по ночам, может выкалывать кому-то глаза и пытаться до смерти. Теми же руками, которые гладят мое тело, и пальцами, которые я иступленно сосу и кусаю, пока он голодно долбит в мое тело сзади или, нависнув надо мной, врезается в меня со всей мощью, забросив мои ноги к себе на плечи. Они лгут! Он на это не способен. Я дам им то, что

они хотят, и пусть убираются из нашей жизни.

Меня всунули в это болото насильно, заставили шпионить за собственным мужем, прислушиваться к телефонным звонкам и его разговорам с моим братом.

Сейчас, анализируя все более равнодушно, чем тогда, понимаю, насколько глупой я была, насколько легкомысленной и неосведомленной. В какой момент отношение Максима ко мне снова изменилось или это происходило медленно, и я не заметила? В какую секунду или мгновение он вдруг начал понимать, что я предаю его? Ведь я не считала это предательством. Я наивно полагала, что действую на благо семьи. Может быть, это произошло после нашего разговора о дочери...

Максим усадил меня к себе на колени и тихо спросил.

– Хочешь, заберем сегодня Таю домой? Ты готова, чтобы она жила с нами?

И мне стало страшно. Я вспомнила, что мне говорил Дима. Я представила себе, что за нашим домом следят и что пока нас нет, могут украсть ребенка или... не знаю, как-то навредить ей. Мы ведь часто уезжаем и мотаемся за границу. Девочка останется одна. А так она в доме Фаины под пристальной охраной с круглосуточной няней.

– Нннет. Мне кажется, еще рано. Мы не привыкли друг к другу. Нам надо немного времени.

Максим слегка ослабил объятия и пристально посмотрел мне в глаза.

– Почему рано? Малышка уже привязалась к тебе. Она целыми днями повторяет слово «мама», рисует тебя, зовет по ночам.

Сердце болезненно сжалось так сильно, словно его искололи иголками и вогнали их так глубоко, что уже не вытащить. Ужасно захотелось ему все рассказать. Сильно захотелось, до дрожи во всем теле... но я помнила каждое слово федерала, каждое мерзкое обещание и угрозы моей семье. Наверное, отвечая, я впервые возненавидела себя...

– Рано... мне... это мне надо больше времени. Я пока не уверена, что могу быть хорошей матерью. Не дави на меня, прошу тебя.

– Хорошо, – чуть прищурился, и взгляд царапнул меня холодком, – я не буду на тебя давить. Когда будешь готова вернуть нашу дочь домой, скажи мне.

– Я думала... может быть, Лиля уедет с ней куда-то на отдых, в какое-то крутое место, где ей будет весело. На пару недель или на месяц. С усиленной охраной... если ты переживаешь за нее... но детям надо развлекаться и...

Максим резко снял меня с колен и отошел к столу.

– Да. Я переживаю за нее. И нет, моя дочь никуда не поедет. Разве что со мной, когда я буду для этого свободен. Мне надо в офис.

Мой муж начал все больше времени проводить вне дома. И я поначалу радовалась, как ребенок, его возвращению, со-

вершенно не замечая, как он меняется. Как отдаляется от меня. Пока вдруг не обнаружила себя, спящей в одиночестве. За это время я успела собрать материал для Димы на флэшку. Записать, с кем говорил Максим, что именно обсуждал с Андреем. И так же скачала несколько файлов с его компьютера. Мне обещали, что, когда я отдам эту флэшку, меня оставят в покое. И я ужасно этого хотела. Перестать врать, перестать бояться и не спать по ночам... смотреть в потолок, думая о том, что делаю отвратительные вещи у Максима за спиной. Но ведь я спасаю нашу семью. Все методы хороши. Разве он сам не говорил мне этого? Федералы оставят нас в покое, и все. Мы заживем как раньше. Заберем Таю домой. Оставалось только найти способ отдать флэшку, а Максим последнее время как назло никуда не отпускал меня одну. Либо под тройной охраной, либо запрещал выход из дома. Не давая мне никаких объяснений.

Все уже пошло не так... все уже разрушалось и рассыпалось в пепел, и это делала я. Я убивала нашу семью и даже не подозревала об этом.

Глава 5. Дарина

Всякая любовь хочет быть вечной. В этом и состоит ее вечная мука.

(с) Ремарк

Впервые за месяц безумного счастья и радостных пробуждений в его объятиях. Я целый день прождала, пока он вернется, и как только услышала шаги в его кабинете, тут же бросилась туда. Я ведь была уверена, что он скучал. Хоть и не звонил мне сегодня целый день. Максим выглядел иначе, чем всегда, словно напряженно о чем-то думал, он поцеловал меня в макушку и сел за письменный стол. Я подошла сзади и положила руки ему на плечи. На какое-то мгновение мне показалось, что он напрягся еще сильнее.

– Почему ты не отвечал мне? – уткнулась лицом ему в шею, наслаждаясь запахом его кожи и одеколона. – Я так сильно соскучилась.

– Правда? – не отрывая взгляда от компьютера и доставая сотовый из кармана. – И сильно ты скучала по мне?

– Невыносимо сильно.

Хотела отнять у него сотовый, но он взял его другой рукой и набрал номер. Мне ужасно захотелось вышвырнуть его в окно, но я сдержалась.

– Мне нужно обсудить важные дела. Иди к себе, Даша.

– Не хочу, – улыбнулась и кокетливо повела плечами, – с тобой хочу побыть. Я не буду мешать тебе.

Перебралась в кресло, достала сотовый, чтобы посидеть в интернете, и тут же пришла смска от Димы.

«Время истекло. Флэшку надо отдать сегодня. Я больше не могу тянуть время. Найди возможность выйти из дома. И напиши, где встретимся. После семи вечера я уже ничего не смогу для тебя сделать».

Максим поднял голову от ноутбука и, что-то говоря в сотовый, посмотрел на меня... тяжелым и колючим взглядом. Я улыбнулась, и он перевел взгляд на монитор, затянулся сигаретой и отхлебнул из бокала виски.

Я стерла смску и спрятала сотовый в сумочку. Посмотрела на мужа, он все еще работал, прижав сотовый к уху и размеренно клацая пальцами по клавиатуре. У меня оставалось ровно два часа до встречи. Я несколько раз прошлась взад и вперед по кабинету, но он был настолько занят, что даже не поднял глаза. Разговаривал, делая пометки. Я не вслушивалась, что именно он говорил. Я лихорадочно думала о том, каким образом и под каким предлогом я могу выйти из дома, не вызывая подозрений, и чтобы он не запретил мне встречу. И я придумала. Я позвонила Карине, при нем.

Мы мило болтали, и я пригласила ее попить со мной кофе и поговорить о ее новом парне, с которым она переписывается в интернете. Андрей говорил, что ее теперь не оторвать от ноутбука, и появились некоторые проблемы с учебой. Ка-

рина ужасно обрадовалась.

– Да! Дааа, я хочу посидеть с тобой и поговорить. Когда? Давай прямо сейчас?

Я думала о том, что могу передать флэшку Диме прямо в кафе в туалете или на лестнице и даже не вызову подозрений.

– Я отпрошусь у Максима и перезвоню тебе.

– Ооооо, дядя Максим – это серьезно. Удачиии.

Я подошла к мужу, он мельком посмотрел на меня и вернулся к разговору.

Расслабленный, потягивает виски из хрустального бокала. Сигарета дымится в пепельнице. Он наконец-то посмотрел на меня. Нет, не раздраженно, хотя я явно ему мешала. Он прикрыл сотовый ладонью:

– Иди к себе. Я освобожусь и сходим с Кариной вместе. Одну я тебя не отпущу. – усмехнулся так, что я вздрогнула снова от его красоты, – по городу маньяки бродят, слыхала?

И снова вернулся к разговору. Черт, пару часов. У меня нет так много времени. Я знала только один способ привлечь его внимание к себе. Но еще никогда не была инициатором, всегда он.

Слегка затаив дыхание, я подошла вплотную к столу и принялась расстегивать пуговицы на блузке. Реакция была мгновенной, поднял глаза от ноутбука, снова перевел взгляд на монитор и тут же на меня. Смотрит с интересом, продолжая разговаривать. Отставил бокал в сторону. Я спустила материю с плеча, потом с другого, и легкий шелк облаком упал

к моим ногам.

Синие глаза стали чуть темнее, всего на тон, а мне стало нечем дышать, но он не прервал беседу. Тогда я расстегнула бюстгальтер и подошла еще ближе, внимательно наблюдая за его взглядом. Цвет глаз менялся очень быстро, они стали цвета сизого неба, а зрачки расширились. Я опустилась перед ним на колени и нагло потянула за ремень на его брюках. Увидела насмешливый взгляд, но не остановилась, потянула змейку вниз. Железное самообладание – продолжает беседу, но, когда мои пальцы обхватили его член, голос слегка дрогнул. Я собиралась это сделать. Сотрясаясь от страсти и от невыносимого желания сводить его с ума, как и он меня. Провела языком по бархатной, налитой кровью головке, и его пальцы сжали мои волосы. Не прекращает беседу. Я надеялась, что он бросит трубку на рычаг и отымеет меня прямо здесь, на столе, от предвкушения я вся взмокла. Лаская его, я сошла с ума сама, совершенно забывая о том, зачем начала эту игру, чего хотела. Но Максим продолжал говорить, иногда другой рукой он что-то писал в ноутбуке. Можно подумать, что его совершенно не трогает то, что я делаю... Можно... но твердый и возбужденный член говорил об обратном, когда я посмотрела ему в глаза и вдруг поняла, что он внимательно наблюдает за мной горящим взглядом. Ему нравилось. Не просто нравилось, моментами он напрягался до такой степени, что я видела, как пульсирует вена у него на лбу.

Увидеть перед глазами покачивающийся член, налитый кровью, со вздувшимися пульсирующими венами и поплыть только от одного его вида, чувствуя, как выделяется во рту слюна, как сводит скулы бешеным желанием принять его во рту. Сумасшедшая и совершенно бесстыжая с ним. Забывая, зачем все это затеяла... зачем пришла к нему в кабинет.

Закатить глаза, когда вошел глубоко в горло и толкнулся в него каменной головкой, дернуться от его стога волной возбуждения. Сотовый не отбросил, но меня схватил, как в тиски, сдавил мою голову, нагибая вниз, проталкиваясь глубже.

Чувствовать, как останавливается, потираясь о гортань, продолжая о чем-то беседовать по сотовому, и снова поршнем долбит в рот, стискивая мои волосы на затылке, а меня разрывает животной похотью, дикостью такой же неконтролируемой, и я жадно сжимаю его мошонку пальцами, царапая ногтями, сдавливая член у основания, чувствуя, как намокают мои пальцы от текущей изо рта слюны тонкими паутинками, потому что он не дает перерыва.

И мне невыносимо нравится это. Жадно заглатывать и всасываться губами, грязно причмокивая, давая ему возможность скользить по шершавости языка и сходя с ума от каждого его стога, принять сильно, глубоко и удержать за упругие ягодицы, впиваясь в них ногтями и изнемогая от нахлынувшей волны возбуждения. Не выдерживая больше ни секунды, отодвинула полоску трусиков и вошла в свою плоть пальцами другой руки, ощутила, какая мокрая я внутри.

Язык чувствует каждую скользящую по нему вену, а пальцы вбиваются внутрь, и меня ведет от грязных картинок, в которых это не пальцы, а его член вдирается в меня глубоко и больно. Представляя себя распластанную на полу и его, бешено вбивающегося в мое тело, удерживающего мои ноги за щиколотки, разодрав их в разные стороны...

Тихой мольбой, выпуская член и сжимая его рукой.

— Я хочу тебя...

В эту секунду он отключил сотовый и швырнул его куда-то на пол. Дернул меня вверх, к себе, задрал юбку на пояс, посмотрел на мои разведенные ноги, провел пальцами по мокрым складкам и тяжелым взглядом мне в глаза, ухмыляясь уголком рта. Взял свой мокрый после моего рта член, сжимая у основания, и кивнул на него. Пошло предлагая взять то, что я хочу... сделать это самой. К щекам тут же прилила кровь.

Закусив губу, я медленно опустила на его плоть. Тело охватила эйфория, когда поняла, насколько сильно он скукал по мне, насколько желает меня, потому что мой муж запрокинул голову и хрипло застонал, закрывая глаза. И тут же резко их открыл, сдавил мои бедра, приподнял меня вверх, выходя полностью, и сильным движением вошел в меня снова, глубоко и больно, и я задохнулась от чувства наполненности, от того, что он начал двигаться внутри, разрывая меня на мельчайшие части дикого удовольствия. Наклонил к себе и впился в мой рот, очень грубо. Грубее, чем обычно.

Кусая почти до крови, не давая мне отвечать, скорее, насилуя мои губы.

– Зверски хочу тебя! – сказал, прервав поцелуй, и я застонала, подаваясь бедрами ему навстречу, а он сдавил мою шею, удерживая меня на вытянутой руке. – До боли! – и хрипло добавил. – Твоей боли!

Я обхватила руками его запястье, ослепленная его захватывающей дух красотой именно сейчас, в эту секунду, когда ощущала его в себе и видела эти искаженные похотью черты, всхлипнув от очередного резкого толчка внутри.

И уже через мгновение схватила за широкие плечи, впиваясь в них ногтями, когда он начал буквально насаживать меня на себя. Сильная рука сжимала до синяков бедра, а другая впила в мои волосы, заставив изогнуться назад и выпятить грудь с торчащими от возбуждения сосками, причиняя мне боль... и я чуть не взвыла от того удовольствия, которое смешивалось с этой болью, заставляя стонать, всхлипывать, беспрестанно повторяя его имя, сжимая его руки чуть выше локтей, наслаждаясь стальными узлами мышц под кожей и чувствуя, как мною управляют, как тряпичной куклой.

Открыла затуманенные страстью глаза и, всхлипнув, громко застонала, в изнеможении глядя на его широко открытый рот, напряженный взгляд и резко заострившиеся черты лица... Мой зверь... Только мой... Да, бери меня, своди с ума, убивай своими прикосновениями!

Наглая и уверенная рука коснулась клитора, сильно на-

давливая на него пальцами, и я закричала его имя, падая в пропасть, распадаясь на миллионы частиц, слыша, как он рычит мне в унисон, и чувствуя, как изливается в мое тело.

***

– Это был важный разговор, малыш. Очень важный!

Приподнимая мое лицо за подбородок и глядя мне в глаза... а я все еще слабая и пьяная после этого бешеного секса.

– Хотела, чтобы ты посмотрел на меня... убрал свой телефон и заметил, что я рядом.

Усмехнулся уголком порочных губ.

– Я не просто тебя замечаю. Я тебя чувствую. Что? Так сильно хочется поехать с Кариной самой, поэтому решила применить запрещенные приемчики?

Говорит шутливо, но я все еще вижу этот холодный блеск в его глазах. Наверное, злится, что я вынуждаю его разрешить мне. Злится, что не согласна подождать и поехать с ним.

– Нет, я соскучилась. Очень. И я хотела... тебя.

Наклонилась, чтобы поцеловать, но Максим отошел к окну, поправляя рубашку и заправляя ее в штаны, застёгивая ремень. Легкий укол разочарования. Деспот! Все хочет контролировать.

– Пожалуйста, Максим. Я никуда не денусь. Я буду там с ней у всех на виду. Что в этом такого?

– Мы могли поехать вместе. Но позже.

– Я... я думала, может, вечером съездим к Тае вдвоем?

Метнул на меня взгляд. Пронзительный, но непонятный мне своим выражением.

– Если ты настолько хочешь уехать сама, что даже сделала мне столь роскошный подарок, как я могу отказать женщине.

– Твоей женщине, – я ощутила привкус победы и улыбнулась.

– Моей женщине.

– Так ты меняпустишь?

Прищурился и опустошил свой бокал до дна.

– Запомни, Дарина – я никогда тебя не отпущу. Даже если для тебя это будет выглядеть иначе. Свободу ты получишь только в трех случаях.

Подошел ко мне и провел рукой по моей щеке, лаская скулу большим пальцем и заставляя меня изнемогать от этой ласки.

– Первый – это если я сдох.

Поправил прядь волос за мочку уха.

– Второй – это если я тебя разлюбил.

Где-то внутри больно кольнуло... словно он допускал, что может разлюбить меня... Я уже этой мысли допустить не могла.

– И третий, если мертвой будешь ты.

– Но ведь этого не случится? – тихо спросила я.

А он поправил мою блузку и застегнул пуговицы одну за другой.

– Чего именно ты боишься больше всего?

– Первого... – не задумываясь ответила я.

Усмехнулся, но как-то отчужденно и холодно, меня как будто обдало легкой морозной волной.

– Мне кажется, что второе и третье намного страшнее.

И поцеловал меня в лоб.

– Иди... пообщайся с Кариной, раз ты так сильно этого хочешь.

Глава 6. Дарина

На самом деле человек по-настоящему счастлив только тогда, когда он меньше всего обращает внимание на время и когда его не подгоняет страх. И все-таки, даже если тебя подгоняет страх, можно смеяться. А что же еще остается делать?

(с) Ремарк

Я надеялась, что эта встреча последняя, что на этом ложь будет окончена и позже я смогу рассказать Максиму правду. На душе повис тяжелейший камень и давил мне на сердце. Мы встретились с Кариной в кафе в центре города.

Она показалась мне повзрослевшей за какие-то считанные месяцы, вдруг стала такой серьезной, красивой, и в глазах появился блеск. Такой обычно появляется у влюбленных или у сумасшедших. Мне кажется, мои глаза точно такие же.

– Я влюбилась, Даринкааа, я влюбилась.

Я рассеянно ей улыбнулась, оглядываясь по сторонам.

– В кого?

– Это... это пока секрет. И мы скоро увидимся.

Я посмотрела на девушку и отпила свой апельсиновый сок.

– А вы что еще не виделись?

– Не спрашивай... это покажется бредом... но мы не ви-

делись. Мы переписывались много месяцев.

– Я думаю, что мне это бредом не покажется.

«Я в туалете, жду тебя там. Времени мало». – смска заставила вздрогнуть и сдвинуть сотовый.

Выдохнула. Как он проскользнул мимо меня? Или пришел раньше и ждал все время?

– Я в туалет. Прости. У меня последнее время ужасное несварение желудка. После этой аварии все наперекосяк. Вернусь, и расскажешь мне про своего загадочного любимого по переписке.

Карина кивнула и увлеченно уткнулась в сотовый. Наверное, с этим парнем переписывается. Ничего, скоро все это закончится, и тогда я уделю ей внимание. Всем уделю и выдохну наконец-то. Спокойным шагом пошла в уборную, поглядывая на охрану, стоящую у входа в кафе, и еще одного типа у барной стойки. Максим обещал, что не будет так настойчиво следить, но ничего не изменилось. Они буквально сидели у меня на голове. Толкнула дверцу и вошла в туалет. Меня тут же сгребли в охапку и прижали к стене. Почувствовала чей-то рот на своих губах. Хотела дернуться, но Дима прошептал мне в губы.

– Не дергайся. Так не видно ни моего, ни твоего лица. Флэш-ка?

Я сунула ему в ладонь.

– Возьми и подавись.

– Вкуснее давиться твоим язычком. – прикусил мою губу,

беря меня за руку, потянул ее к своему паху.

– За ширинкой потайной карман. Расстегни и положи туда.

– А не пошел бы ты, – а он снова к моим губам.

– Я сказал, положи и можешь уходить.

Лихорадочно дернула молнию на его штанах, кривясь от отвращения, просунула туда пальцы, и Дима, сукин сын, демонстративно громко застонал и ткнулся в мою руку своим членом.

– Урод! Оторву на хрен!

– Не оторвала ж. Умница. С тобой свяжутся позже!

– Что значит свяжутся?

– То и значит. Все. Давай. Уходи и хвост свой уводи. А вообще жаль, что все так... я о тебе каждую ночь думаю.

– А я о тебе – представляю, как ты сдохнешь, когда он узнает!

– О чем? О том, что ты лезла мне в ширинку?

– Ублюдок!

– Давай иди. Здесь не так уж приятно торчать.

Меня трясло от какого-то отвратительного чувства, что что-то не так во всем этом. Что-то происходит, и я не понимаю, что именно. Вышла из туалета, поправляя волосы, и села обратно за стол.

– Ты очень бледная, что-то случилось?

– Ннннет. Плохо себя почувствовала, но это ерунда. Иногда голова и желудок болят.

Улыбнулась Карине, потом посмотрела на свой сотовый.

– Чееерт, совсем забыла, мы с Максимом хотели забрать Таю и поехать с ней в парк. Прости, Кариш, прости. Я такая рассеянная. Фаина говорит, что это последствия.

Карина совершенно не обиделась, она была поглощена своим собеседником в смартфоне.

– Ничего страшного... я обязательно расскажу тебе после встречи.

И мне стало стыдно, что я даже интерес не проявила. Бросила взгляд на туалет и решила, что ублюдку не помешает постоять возле унитаза еще немного.

– Покажи мне своего красавца.

Карина смущенно улыбнулась и протянула мне свой сотовый. От неожиданности я отпрянула назад. Нет, не то чтоб я была расисткой или имела какие-то предубеждения, но парень с откровенно арабской внешностью немного смутил. Просто Карина казалась мне как-то не в теме. Хотя я слышала, что наших девочек привлекают восточные парни.

– Его зовут Халид. Он учится в университете и мечтает стать ветеринаром. Он очень добрый и живет в Америке. Скоро приедет, чтобы встретиться со мной.

Я выдохнула и опять посмотрела на часы.

– Очень симпатичный мальчик. Надеюсь, ты не разочаруешься. Прости, милая, мне надо идти.

Я попрощалась с ней, обняла и поцеловала в обе щеки.

После передачи флэшки облегчения не наступило. Каза-

лось, я сделала что-то мерзкое и неприятное. И губы жгло после мерзких поцелуев Димы. Как он мог мне нравиться? Он отвратительный слизняк. И мне до безумия хотелось домой. К Максиму. Сказать, что я передумала, и мы заберем Таю домой.

Хочу увидеть его, убедиться, что все хорошо. Я быстро поднялась по ступеням, распахнула дверь кабинета и глубоко вздохнула. Максима там не оказалось. Поблескивал экран монитора, и все еще дымилась сигарета. Я пошла в спальню, толкнула дверь. Тишина и полумрак. Решила вернуться обратно в кабинет и дождаться его. Ноутбук был все еще открыт, и я подошла к столу, наклонилась вперед, рассматривая заставку – на ней нас трое. Мы где-то все вместе на берегу моря. Счастливые, улыбающиеся. Теперь все точно наладится и изменится. Позади раздался шорох, и я обернулась. Мое дыхание участилось. Мой муж стоял позади меня, облокотившись о косяк двери. У него был странный взгляд, непроницаемый. Он слегка прищурился, осматривая с ног до головы.

– Как быстро вернулась. Опять по мне соскучилась?

Я кивнула и улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ. Закрыв кабинет изнутри на ключ.

– Ну что, расскажешь, как прошла встреча с Кариной?

Я несколько раз моргнула, еще не придавая значения странному звучанию его голоса. В нем были совсем иные нотки.

– Располагайся поудобней, – кивнул в сторону кресла, а сам налил себе виски и положил в стакан лед, – поделишься, что рассказывала Карина?

Я присела на кожаное кресло, еще не понимая, почему мне так тревожно и что именно меня пугает.

– Все хорошо. Она познакомилась с парнем. Кажется, даже влюбилась.

Остановился напротив меня, широко расставив ноги.

– Этим вы занимались весь вечер?

– Чем?

– Обсуждали ее парня?

Я кивнула, а Максим забрал у меня сумочку, обошел кресло и стал позади меня. Его горячие ладони легли мне на плечи. Приятно принялись разминать их и потирать затылок. Я даже разомлела от касания его пальцев. Тревога начала отступать, и я прикрыла веки.

– Так значит, скучала по мне, да?

– Мммм, очень сильно, невыносимо скучала.

Его пальцы запускали ворох мурашек по моей коже, и дыхание начало прерываться от предвкушения, что он на этом не остановится.

– Серьезно?

Пальцы гладят мою шею нежно и вкрадчиво.

– Тебе уже лучше. Желудок не болит?

– Нет.

Мягко улыбаясь, и вдруг ощутила дикое напряжение во

всем теле, и ласкающая мое горло рука схватила меня за волосы на затылке, мгновенно до дикости больно дернула назад. От неожиданности и острого жжения в корнях, мои глаза широко распахнулись, и на них навернулись слезы. Я не говорила ему... я говорила Карине... О Боже...

Ощутила, как губы Максима прижались к моему горлу, к бешено пульсирующей венке и прошли по натянутым мышцам кончиком языка.

– Мне больно, – тихо прошептала я.

– Больно? – переспросил, покусывая мою кожу на затылке, но не ослабляя хватку.

– Очень... – пальцы слегка разжались, поглаживая зудящие корни.

Может быть, Карина сказала, что я плохо себя чувствую. Да, скорее всего. Но почему тогда в его голосе не было заботы? Почему он так больно сжал мои волосы?

– Я не хотел причинить тебе боль, любимая... Я хотел всего лишь спросить, насколько ты счастлива со мной здесь? Ты чувствуешь мою любовь к себе?

Я кивнула и медленно выдохнула. Может, это опять какая-то ревность.

– Деньги... тебе хватает денег, драгоценностей, подарков? Ты в чем-то нуждаешься?

– О нет... ни в чем, – искренне выдохнула я и задрала голову, чтобы увидеть его лицо, – я нуждаюсь только в одном – в тебе.

В эту секунду его рука сдавила самое горло с такой силой, что у меня глаза вылезли из орбит и кислород перестал поступать в горло.

– Антон! – крикнул и тут же распахнулась дверь, но я не видела, кто вошел. Я пыталась оттянуть его руку, сдавливающую мне горло так, что начало темнеть перед глазами. И я видела его лицо, видела почерневшие радужки и стиснутые челюсти. Страх вспыхнул под кожей и рассыпался по всему телу адреналином.

Я начинала понимать. И от каждой мысли, которая приходила мне в голову, я понимала все сильнее и ужасалась масштабам того, что может произойти. Можно подумать, я знала... я могла только предполагать.

– Поверни к нам ноутбук и нажми на пуск. – ослабил хватку и наклонился к моему уху, – сейчас мы посмотрим, как и для чего ты нуждалась во мне, Дашааа.

Я посмотрела на его лицо такое ослепительно идеальное, до боли в груди. Что я чувствую? Не знаю, что-то очень мощное, завораживающее, парализующее мою волю. Былое чувство, словно каждое слово может погрузить меня в зыбучие пески, вернулось. Как я могла считать, что не боюсь его?

«Он ловко манипулировал тобой, он дал тебе уверенность, он заставил расслабиться и позволил не бояться.»

На экране я увидела себя, прокравшуюся в кабинет и включающую компьютер, вставляющую в него флэшку. От ужаса сердце чуть не выскочило из груди.

– Это не то, это... я все... я объясню.

Схватил снова за волосы и толкнул вперед, удерживая одной рукой.

– Заткнись и смотри дальше. Самое интересное впереди!

Там, на экране я выглядела воровкой. Это было отвратительно настолько, что я всхлипнула.

– В чем дело? Тебе не нравится то, что ты видишь? Может скажешь, что тебя подставили или заставили? Или для любовничка старалась? А взамен что? Трахнет или вылизет до суха, как ты любишь? Только не говори, что за деньги!

– Нееет... Максим, пожалуйста. Все не так, – зарыдала надсадно и громко.

– Смотрим, я сказал! А ты выйди вон! – рявкнул на Антона, и тот быстро покинул комнату. Теперь я видела себя, едущую в машине и постоянно поглядывающую в свой соловый. Дальше кафе, и я с Кариной, а потом туалет и... О боже! Меня лапает и целует Дима, и я засовываю руку ему в ширинку. Я судорожно ловила ртом воздух, не в силах поверить тому, что вижу на экране, и тому, как это выглядит там.

– Все...все не так. Мне пришлось! Меня шантажировали и...

Максим расхохотался оглушительно громко.

– Ты ведь уже знала, кто я и кто твой брат. Неужели ты думала, а точнее, думаешь, что я решу, будто ты поверила, что Вороновы не могут выдернуть сердце даже самому дьяволу?

– Я боялась!

– Не того боялась, – дернул за волосы назад еще сильнее, – надо было бояться, что я узнаю! А я знаю все, что он тебе сказал. От тебя воняет им за версту. Каждый кусочек твоей кожи, твои волосы пропитались его запахом. Его вонючим и дешевым одеколоном!

Я наконец-то смогла вздохнуть, но в груди болело и саднило. Я посмотрела на Максима. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно. В его глазах не осталось ничего человеческого, там все затянуто черной пеленой ненависти и презрения.

– Когда ты его целовала, ты не забыла рассказать, что только что отсосала мне и не подмылась после того, как я тебя трахал? Или может, его это возбуждает?

Пальцы сдавливали горло все сильнее, и у меня перед глазами поплыли круги.

– Я не... не целовала. Это он... это все не так.

– Ну да, а в ширинку к нему ты полезла тоже из страха? И как его член? Сравнила оба? Нравится мой или его?

Резко отпустил мою шею, и я уронила голову на грудь, сама схватилась за саднящее горло обеими руками.

– Вот она – настоящая ты. Лживая и лицемерная тварь, которая вошла мне в душу. Я просто идиот и настроил замков на песке, а моя Даша умерла, разбилась на машине, и не нужно было ее воскрешать. Вместо нее появилось чудовище... Но во всем есть свои плюсы, теперь я могу не скрывать, какое чудовище живет и во мне. Я вас познакомлю по-

ближе. Твои друзья тебе не лгали — я зверь. И я научу тебя бояться и давиться от страха собственной кровью. Чтобы от тебя воняло ужасом, как его одеколоном от твоих волос! Пошли, пообщаешься со своим любовником. Последняя встреча. Больше такого шанса не будет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.